

Рашидов Мурад Рашидович, Магарамов Шарафетдин Арифович

АНТИРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В 20-30-Е ГГ. XVIII В.

В статье отражена внешнеполитическая деятельность Османской империи на Северо-Восточном Кавказе, направленная на ослабление позиций России в регионе. Дается оценка политике и дипломатии России, которые были нацелены на отстаивание своих интересов на Кавказе. Анализ проведенного исследования показывает, что усиление позиций России на Северо-Восточном Кавказе после Каспийского похода не отвечало внешнеполитическим целям османского правительства и поддерживавших его западноевропейских держав.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 162-165. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абрамова Г. С.** Возрастная психология: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический проект, 2003. 704 с.
2. **Джеймс У.** Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления: популярные лекции по философии // Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. С. 208-326.
3. **Ивойлова И.** Из ЕГЭ исчезнут задания с выбором одного из вариантов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/19/egge-site-anons.html> (дата обращения: 28.06.2014).
4. **Мирошников Ю. И.** Уровни философского сознания // Мирошников Ю. И. Социальная сущность философии и научно-технический прогресс. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 38-89.
5. **Ортега-и-Гассет Х.** Что такое философия? // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 51-192.
6. **Серебрякова Ю. В.** Мыслить иначе: методика исследования современной философии в вузе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-154.
7. <http://i-exam.ru/> (дата обращения: 01.07.2014).

SPECIFICITY OF TEACHING PHILOSOPHY IN MODERN TECHNICAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION: METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF PRAGMATISM

Ryatiletova Lyudmila Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ural State University of Railway Transport
Lyuda-p73@yandex.ru

The article is devoted to pragmatism as the most effective method of teaching philosophy in modern technical institutions of higher education: being the antagonist of the usual forms of teaching philosophy, pragmatism is authentic for the type of thinking, the general mindset of the students of technical specialities, which, in its turn, enables those, who study philosophy, to explore philosophical conceptions (ideas) as generalized actual life experience. The paper reveals the content of pragmatism as a method, shows used in teaching practice examples of the selection of topics for philosophy classes in technical institutions of higher education.

Key words and phrases: philosophy; pragmatism; W. James; technical institution of higher education; teaching; experience.

УДК 9(Дар)1

Исторические науки и археология

В статье отражена внешнеполитическая деятельность Османской империи на Северо-Восточном Кавказе, направленная на ослабление позиций России в регионе. Дается оценка политике и дипломатии России, которые были нацелены на отстаивание своих интересов на Кавказе. Анализ проведенного исследования показывает, что усиление позиций России на Северо-Восточном Кавказе после Каспийского похода не отвечало внешнеполитическим целям османского правительства и поддерживавших его западноевропейских держав.

Ключевые слова и фразы: Османская империя; Северо-Восточный Кавказ; антироссийская политика; русско-турецкое противостояние; позиция западноевропейских держав.

Рашидов Мурад Рашидович, к.и.н., доцент
Дагестанский государственный педагогический университет
aytberov@list.ru

Магарамов Шарафетдин Арифович, к.и.н.
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
sharafutdin@list.ru

**АНТИРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В 20-30-Е ГГ. XVIII В. ©**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00270.

Многолетняя борьба за овладение Кавказом шла с переменным успехом с XVI в. Продолжавшиеся более века османо-персидские войны завершились договором 1639 года, разделившим Кавказ на сферы влияния между Персией и Турцией, сохранившимися за ними до 1722 г. Кавказский аспект восточной политики России постоянно углублялся с середины XVI в., но как важный геополитический вектор территориальной экспансии начал складываться с Азовских походов Петра I и окончательно оформился в ходе Каспийского похода. Компромиссный Стамбульский контракт 1724 г. усилил геополитические позиции в регионе как России, так и Турции.

Вхождение в Кавказскую геополитику петровской России изменило биполярный характер противостояния держав (Турция-Персия) на менее устойчивый «треугольник сил» (Россия-Турция-Персия). Отражением новой расстановки сил стало создание различных коалиций, один из вариантов которых был реализован в 1724 г., когда два наиболее сильных на тот момент государства – Россия и Турция – договорились о разделе Кавказских

владений третьего соперника – Персии, имперские структуры которого в кавказских провинциях полностью дискредитировали себя перед местным населением и вызвали многочисленные антииранские восстания [13, с. 25].

Стамбульский мир 1724 г. имел большое международное значение для народов Северо-Восточного Кавказа в сложившейся на тот момент политической ситуации со сложным переплетением русско-персидских и русско-турецких отношений.

Создавшаяся обстановка благоприятствовала экспансионистским замыслам Стамбула, пытавшегося воспользоваться бедственным положением Персии. Способствовало этому и положение, в котором оказалась послепетровская Россия, когда проблемы восточной политики Петербурга сводились к решению элементарной задачи: как «с некоторой честью и безопасностью из... персидских дел выйти» [15, с. 79]. Гегемонистские устремления Порты на Кавказе подпитывались Англией, Францией и другими европейскими державами.

Каждая из них преследовала свои собственные цели. Франция пыталась отвлечь Россию от вмешательства в европейские дела, обострив отношения России с Турцией и Персией. Австрия пыталась использовать спор из-за Кавказа для ослабления турецкого давления на свои границы. Собственные интересы отстаивали также Швеция и Пруссия, подогревая амбиции соперничавших за господство на Кавказе держав. Особые интересы преследовала Англия, геополитическое положение которой как самой могущественной «державы моря» требовало от нее категорического недопущения геополитической экспансии России в Переднеазиатский регион и Средиземноморье путем примирения Турции и Персии в противовес России.

Россия пошла на мир с целью не допустить выхода турок на Каспийское море и закрепить свои новые границы на Кавказе. Тем самым ликвидировалась угроза войны с Портой, выиграть которую в тех исторических условиях для России было проблематично.

Османская верхушка, расценивавшая Персию как государство без государя, а кавказский регион – как наследственное владение султана (временно уступленное сефевидским шахам) [9, с. 29], заключением договора с Россией развязывала себе руки для захвата не только Южного Кавказа, но и всей Персии. Традиционная экспансионистская политика Османской империи третьего десятилетия XVIII в. была нацелена на полное подчинение Южного Кавказа и Среднего Востока [11, с. 150]. Не дожидаясь разграничения по договору сфер влияния, османы торопились захватить больше территорий в нарушение подписанных ими условий. По Константинопольскому договору 1724 г., к Российской империи отходила прикаспийская зона в Дагестане и в Азербайджане.

Однако народы Кавказа не были довольны условиями Константинопольского договора и не хотели подчиниться власти Османской империи. Назначенный в комиссию по разграничению территорий А. В. Румянцев доносил в правительство, что «ханы, салтаны, старшины, ...и весь здешний народ желает в.и.в. протекции с великою охотою...» [14]. Приняв повторные присяги от владетелей Дагестана, Долгорукий доносил в Петербург: «Теперь один Сурхай остался в противности и оттого великого опасения не чаю, однако ж пакости чинить может, и буду трудиться каким случаем и его склонить, понеже дорога ближе к склонению Сурхая по присяге Усмеевой, а без Усмeya Сурхай слаб стал» [1, д. 18, л. 17].

Однако разграничение между Стамбулом и Петербургом кавказских территорий, отягощенное сложнейшими перипетиями, чрезвычайно затянулось. Османские комиссары специально затягивали этот процесс с целью выиграть время и переселить к себе жителей тех территорий, которые отходили по трактату к России. Не желая попасть под османское владение, жители приморской полосы Дагестана уходили в горы. Вместе с азербайджанцами, армянами и грузинами дагестанцы неоднократно выступали против турок, обращаясь за помощью к русским гарнизонам, расквартированным в Дагестане и Ширване.

Политика покровительства российских властей способствовала усилению их влияния среди местных народов, активизировала политическую ориентацию на Россию. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Прикаспийских областях, где в 20-х – начале 30-х гг. присягу на верность России приняло подавляющее большинство правящей элиты и народных масс [10].

Усиление внешнеполитической ориентации народов Кавказа на Россию ставило под угрозу реальность выполнения замыслов Порты, а именно овладение данным регионом как важнейшим плацдармом на западном побережье Каспийского моря. Старания турецких властей присоединить к владениям Порты отходившие к ней на Кавказе территории встретили сопротивление местного населения. Как доносили комиссары Порты в Стамбул в конце декабря 1727 г., «действуя силою и иными способами, они укротили шемахинских обывателей, но дальше наступила дагестанская земля, которую мерить невозможно, яко они мерить не дают, противятца оружием» [2, д. 6, л. 604].

Тем временем военно-политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе все накалялась. Интересы трех противоборствовавших держав продолжали фокусироваться в этом регионе. Создавшаяся в регионе ситуация на тот момент будто бы и благоприятствовала наступательным амбициям Стамбула: Персия находилась в бедственном положении под афганской оккупацией, кавказская политика послепетровской России была сведена на нет бесконечными дворцовыми переворотами. Однако к этому времени положение в Персии стало коренным образом меняться.

Тяжелые последствия афганской и османской оккупации послужили причиной освободительной борьбы, развернувшейся в Персии, которую возглавил сын незнатного кочевника из племени афшаров НаDIR, проявивший себя в последующем как талантливый, но крайне жестокий полководец и политик. Поступив на службу к шаху Тахмаспу II в качестве главнокомандующего вооруженными силами, он вскоре стал наместником Хоросана, подчинив влиянию своего безвольного патрона. Вскоре иранская армия под началом Надира освободила Мешхед, нанесла крупное поражение афганцам. Изгнание афганцев из Персии подорвало позиции Стамбула не только здесь, но и вообще на Кавказе.

Встревоженный султан, рассчитывая использовать территорию Дагестана в качестве плацдарма для войны с Персией, обратился за поддержкой к Сурхай-хану Казикумухскому. Профессор Н. А. Сотавов по этому поводу

замечает, что привлекая Сурхая заманчивыми предложениями, в Стамбуле, однако, вынашивали коварный план, пытаясь избавиться от него в случае, если бы он не оправдал их надежд, что и подтверждается секретным донесением И. Неплюева о том, что «весьма Порты желает ево (*Сурхая – авт.*) из Шемахи удалить в глубь Персии определить, дабы свободнее было ево поймать, ежели от него в тех краях ожидаемого плода не будет» [Там же].

Сурхай-хан Казикумухский, будучи достаточно проницательным, помня о судьбе его сотоварища и соперника Дауд-бека, вероятнее всего догадывался о тайных намерениях турецкого двора, вел себя очень осторожно и, лавируя между соперничавшими державами, не порывал с Портой с одной стороны, и не вступал в конфликт с Россией и Персией – с другой.

В связи с изменением соотношения сил на Востоке в пользу Персии положение в Дагестане еще более усугубилось. Став фактически правителем Персии, Надир стал готовиться к войне с Турцией за возвращение отторгнутых иранских провинций. Это обстоятельство естественно вызвало нервность в турецкой столице. Узнав о намерениях Надира, султан отправил указ крымскому хану готовиться к войне. Это обращение нашло свой отклик: хан Каплан-Гирей, жаждавший случая напасть на Северный Кавказ, с готовностью ответил, что «он нашел дорогу к посылке татар в Персию через Кавказские горы, близ Дагестана» [3, д. 5, л. 158].

Северо-Восточный Кавказ вновь занял передовое место во внешнеполитических планах России и Турции, став «яблоком раздора» между ними. Независимо от ее целей, отстаивая свои интересы на Кавказе, Россия брала под защиту кабардинцев, дагестанцев и другие народы этого региона. Порты, наоборот, пользуясь поддержкой Англии и Франции, активно поощряла реваншистские устремления османских и крымских феодалов, которые должны были пробиться через Северный Кавказ для соединения с турецкими войсками на Южном Кавказе [15, с. 95].

Крымский хан развил активную деятельность. Предвидя нелегкую борьбу с Россией, он решил заблаговременно заручиться поддержкой северо-кавказских владетелей, обратившись к ним с воззваниями с целью склонить их на свою сторону, дабы они оказали содействие походу крымского войска через Северный Кавказ. Эти воззвания попали в руки ген. Левашову, который оригиналы отправил в Петербург, а копии – резиденту в Стамбул как обличительные документы. Россия заявила решительный протест Порте. Пока выполнялся, так сказать, дипломатический этикет, крымские войска, форсировав Кубань, двинулись на Терек.

Российские войска атаковали крымцев на территории Чечни и на время приостановили их продвижение. Затем, воспользовавшись бездарным командованием русскими войсками принца Гессен-Гамбургского, крымцы, опрокинув небольшой отряд русских войск, достигли Тарков. Далее крымцы проследовали к Дербенту. Ряд дагестанских владетелей, изменив России, перешли на сторону крымско-турецких войск.

Российское правительство, естественно, предприняло ряд мер по установлению «спокойствия» в регионе. Против изменников был послан отряд. Главное командование российскими войсками вновь было доверено опытному в кавказских делах ген. Левашову, который, действуя дипломатией и силой оружия, восстановил спокойствие среди местного населения и привел в покорность мятежных владельцев [7, с. 13].

Недовольные такими суровыми мерами русских властей, отдельные дагестанские владетели стали искать покровительства Турции. Но Порты на тот момент от открытой протекции над дагестанскими владетелями воздержалась. Тем не менее, отправила тайные указы крымскому хану и Сурхаю Казикумухскому «войско собирать», взаимодействовать «с дагестанскими князьями, согласиться и к действиям в готовности быть» [3, д. 5, л. 160].

Однако реализовать эти планы Порте не пришлось. В ноябре 1733 г. Надир нанес сокрушительное поражение туркам под Багдадом, что остудило притязания последних в отношении Дагестана.

Порты, потерпевшая поражение под Багдадом, заключила с Надиром договор, предусматривающий возвращение Персии территорий, захваченных османами на Кавказе. Того же Надира стал требовать и от России. Внешнеполитическая обстановка в Дагестане резко обострилась: Надир обратился к кавказским владетелям «немедленно очистить территории, находящиеся под их управлением» [6, с. 68]. С этого времени, как подчеркивает профессор Н. А. Сотавов, Надир придавал огромное значение созданию кавказского плацдарма, обеспечивающего верховенство в регионе. Военно-стратегическое положение Дагестана как опорной базы на побережье Каспия и должно было способствовать решению этой задачи [15, с. 103].

Пользуясь тем, что в столь решительный момент среди дагестанских феодалов не было единства, Надир старался их подтолкнуть на выступления против России [8, с. 110]. Однако Надиру не удалось добиться поставленной цели: дагестанские владельцы не выступили против России, хотя и не были едины в своих решениях.

Тем временем на Кавказе произошли весьма важные для его народов события внешнеполитического характера. Дело в том, что после подписания между Персией и Россией Рештского договора (1732 г.) о постепенном выводе из Гиляна царских войск Османская империя решила, что настала благоприятная ситуация для того, чтобы прибрать Северо-Восточный Кавказ к своим рукам. Турция, как доносил посланник Неплюев, решила «дагестанцев, всех без изъятия, в протекции своей объявить и туда хана крымского со 80-ю тысячами татар послать», на что канцлер Остерман со всей решительностью ответил Стамбульскому двору, что «Порты вступаться за дагестанские народы не малейшего права не имеет» [5, д. 3, л. 7-8]. В то же время в правящих кругах России, решив не допускать прохода крымских татар в Дагестан, самым тщательным образом обсуждался вопрос о «возможности сохранения» своего влияния на Дагестан. Вернувшийся из Персии барон Шафиров даже предлагал царскому правительству «перехватить инициативу и самим утвердиться в Дагестане», а для этого «дагестанских владельцев и впредь милостивым награждением» привлечь на сторону России [4, д. 6, л. 39]. Турции было решительно заявлено, что дагестанские владетели являются подданными Российского государства, в качестве гарантии дают ей аманатов (*заложников – авт.*), и поэтому Россия не может допустить господства турок над Дагестаном и пропустить крымские войска через его территорию.

Все это красноречиво свидетельствует о том, что Россия не намерена была оставить Северо-Восточный Кавказ и готова была отстаивать его от притязаний со стороны Османской империи [Там же, л. 16-18].

В сложившейся обстановке России нежелательно было осложнять отношения с правителем Персии, это становилось слишком опасно. Учитывая данные обстоятельства, Россия согласилась заключить с Персией мирный договор, который и был подписан 10 марта 1735 г.

Согласно условиям Гянджинского договора, Россия обязывалась вывести войска и передать город Баку в течение двух недель, а Дербент и его округу – в течение двух месяцев. Персия обещала «вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе и крепко содержать российских приятелей за приятелей, а неприятелей российских за неприятелей иметь и кто против их двух высоких дворов войну начнет: то оба высокие дворы против того неприятеля войну начать и во всех случаях помогать должны... Иранскому государству всякие прилагать старания, и начатую против неприятеля (*Турции – авт.*) войну с крайним тщанием и ревностью продолжая, должное отмщение получить» [12, с. 568; 16, с. 202-207]. Как видно, договор, подписанный в Гяндже, всецело был направлен против Османской империи.

В Стамбуле решили снова прибегнуть к испытанному и действенному способу – выступить под флагом защиты «единоверных мусульман» – суннитов Кавказа – от уничтожения «еретиками» – шиитами. Султан незамедлительно отправляет в Бахчисарай указ, крупную сумму денег и многочисленные подарки для раздачи крымскому войску. В указе предписывалось немедленно выступить в поход с 60-тыс. войском «... в Дагистанские народы и протчим тамошним князьям...», набрать в Дагестане еще 60 тыс. путем подкупа местных владетелей [15, с. 110]. Таким образом, весной 1735 г. Дагестан занял исключительное положение во внешнеполитических планах Персии и Османской империи.

Не оставалась безучастной к дагестанским делам и Россия, прибегая к различным дипломатическим уловкам, чтобы как-то помешать замыслам Порты и Крыма. Дипломатические демарши России в адрес Стамбула свидетельствовали о стремлении Петербурга не допустить османов на Каспий путем сохранения российско-персидского союзного альянса.

Список литературы

1. **Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).** Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. 1728.
2. **АВПРИ.** Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1727.
3. **АВПРИ.** Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1733.
4. **АВПРИ.** Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1735.
5. **АВПРИ.** Ф. Азиатские дела. 1724-1735.
6. **Бакиханов А. А.** О походах шах-Надира в Дагестане // Кавказ. 1845. № 17. С. 68-69.
7. **Лерх И. Я.** Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а от туда по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 43. 99 с.
8. **Магарамов Ш. А.** Борьба с Надир-шахом как фактор укрепления пророссийской ориентации дагестанской правящей элиты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36). Ч. II. С. 109-112.
9. **Маркова О. П.** Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 323 с.
10. **Мустафаев М. М.** К вопросу об усилении русской ориентации в Азербайджане (20-е – начало 30-х годов XVIII в.) // Известия АН АзССР. Серия истории, философии и права. Баку, 1972. № 2. С. 33-39.
11. **Осмаев А. Д.** Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в.: дисс. ... к.и.н. Махачкала, 1999. 194 с.
12. **Полное собрание законов Российской империи.** СПб., 1830. Т. V. 780 с.
13. **Рахаев Ж. Я.** Геополитическое значение Северного Кавказа в системе международных отношений первой половины XVIII в. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: мат-лы всероссийской научной конференции (г. Ставрополь, 11-14 сентября 2001 г.). М. – Ставрополь, 2001. С. 22-27.
14. **Соловьев С. М.** История России. Т. 19-20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/soloviev/soloviev.htm> (дата обращения: 23.11.2014).
15. **Сотавов Н. А.** Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. 224 с.
16. **Юзефович Т. Д.** Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. 255 с.

THE ANTI-RUSSIAN POLICY OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE 20-30S OF THE XVIII CENTURY

Rashidov Murad Rashidovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University
aytberov@list.ru

Magaramov Sharafetdin Arifovich, Ph. D. in History
Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
sharafutdin@list.ru

The article shows the foreign-policy activity of the Ottoman Empire in the north-eastern Caucasus aimed to weaken Russia's positions in the region. The paper evaluates Russia's policy and diplomacy intended to advocate its own interests in the Caucasus. The conducted analysis testifies that the strengthening of Russia's positions in the north-eastern Caucasus after the Caspian campaign did not satisfy the foreign policy objectives of the Ottoman government as well as the supporting West-European powers.

Key words and phrases: the Ottoman Empire; the north-eastern Caucasus; the anti-Russian policy; the Russian-Turkish confrontation; position of the West-European powers.